

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 210–216

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 210–216

<https://bonjour.sgu.ru>

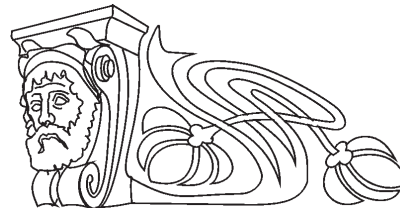
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-210-216>

Научная статья

УДК [070:94](470+571)|19|+929Столыпин+929

П. А. Столыпин в журнале «Русская Мысль»

А. А. Гапоненков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, gaponenkova@org.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2177-1835>

Аннотация. «Русская Мысль» не являлась «кадетским ежемесячником» и позиционировала себя как журнал «национальной русской культуры». П. А. Столыпин осмыслился на его страницах не только как острополитическая и противоречивая фигура (П. Б. Струве, А. С. Изгоев, А. А. Кизеветтер, А. А. Кауфман и др.), но как реформатор и создатель нового *культурного* уклада жизни под лозунгом строительства Великой России. Имя Столыпина впервые появляется на страницах журнала в обзорах думских дискуссий в 1907 г. и в связи с анализом революционных волнений 1905 года. В «Письмах из Таврического дворца» (1907) историк А. А. Кизеветтер переходит в наступление на правительство, подмечая «конституционную маску на бюрократе» Столыпине. Это позиция кадетской фракции (глава П. Н. Миллюков) в Государственной думе, большинство которой не допускало мысли о совместной конструктивной работе с ним. Струве думал иначе и присутствовал на закрытой встрече с премьером в ночь на 3 июня 1907 г. Аграрную реформу Столыпина подробно освещал в «Русской Мысли» экономист Кауфман, предупреждавший, что главной причиной нерешенности земельного вопроса в России является *малоземелье* на фоне стремительно растущего населения. Струве после убийства премьера выпускает статью «Преступник и жертва» (1911), в которой несколько тезисов. Политическое лицо Столыпина определялось «рассудочным конституционализмом». Он был против восстановления абсолютной монархии. Но опираясь на дворянство и бюрократию империи, выходя на диалог с общественностью, Столыпин работал во имя национальной идеи. Ему приходилось отступать. Судьба Столыпина зависела от политической обстановки, в которую он был вовлечен и жертвой которой стал. Глубокий исторический и психологический портрет убиенного Столыпина, его двойственного облика, взаимоотношений с Николаем II, обретает заверченный вид в публикациях Струве из эмигрантской газеты «Возрождение» 1925–1926 гг.

Ключевые слова: П. А. Столыпин, журнал «Русская Мысль», П. Б. Струве, Великая Россия, аграрная реформа, конституционализм, национализм, монархия

Для цитирования: Гапоненков А. А. П. А. Столыпин в журнале «Русская Мысль» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 210–216. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-210-216>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

P. A. Stolypin in the journal *Russkaya Mysl'* (Russian Thought)

A. A. Gaponenkov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexey A. Gaponenkov, gaponenkova@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2177-1835>

Abstract. The journal *Russkaya Mysl'* (Russian Thought) was not a “Cadet monthly” and positioned itself as a journal of the “national Russian culture”. P. A. Stolypin was comprehended on its pages not only as a sharply political and controversial figure (P. B. Struve, A. S. Izgoev, A. A. Kizevetter, A. A. Kaufman, etc.), but as a reformer and creator of a new *cultural* way of life under the battle-cry of building Great Russia. Stolypin’s name first appears on the pages of the journal in reviews of Duma discussions in 1907 and in connection with the analysis of the revolutionary disturbance of 1905. In *Letters from the Taurida Palace* (1907), the historian A. A. Kizevetter launches the offensive against the government, noticing the “constitutional mask on the bureaucrat” Stolypin. It is the position of the Cadet faction (headed by P. N. Milyukov) in the State Duma, the majority of which did not allow the idea of joint constructive work with him. Struve thought differently and was present at a closed meeting with the Prime Minister on the night of June 3, 1907. Stolypin’s agrarian reform was covered in detail by the economist Kaufman in *Russkaya mys'* (Russian Thought), who warned that the main reason for the unresolved land issue in Russia is the *lack of land* against the backdrop of a rapidly growing population. Struve, after the assassination of the Prime Minister, publishes the article *Criminal and Victim* (1911), in which there are several theses. The political face of Stolypin was determined by “rational constitutionalism.” He was against the restoration of absolute monarchy. But relying on the nobility and bureaucracy of the empire, entering into a dialogue with the public, Stolypin worked for the national idea. He had to retreat. Stolypin’s fate depended on the political situation in which he was involved and the victim

of which he became. An insightful historical and psychological portrait of the assassinated Stolypin, his dual image, and his relationship with Nicholas II, takes on a finished form in Struve's publications from the émigré newspaper *Vozrozhdeniye* (Revival) in 1925–1926.

Keywords: P. A. Stolypin, the journal *Russkaya Mysl'* (Russian Thought), P. B. Struve, Great Russia, agrarian reform, constitutionalism, nationalism, monarchy

For citation: Gaponenkov A. A. P. A. Stolypin in the journal *Russkaya Mysl'* (Russian thought). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 210–216 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-210-216>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Деятельность П. А. Столыпина как министра внутренних дел и председателя Совета министров России подробно анализировалась в одном из лучших «толстых» журналов начала XX в. «Русской Мысли», который выходил с 1907 по 1918 г. под редакторством публициста и экономиста П. Б. Струве (в 1907–1910 гг. совместно с историком А. А. Кизеветтером). Это было «литературно-политическое издание», поэтому в его материалах, наряду с беллетристическими произведениями, стихотворениями, научными статьями и рецензиями по вопросам истории, философии, права, социологии, искусства, библиографии, отражался широкий спектр политической жизни России и Европы. Политический отдел этого журнала возглавлял публицист А. С. Изгоев, автор известной книги «П. А. Столыпин: очерк жизни и деятельности» (М.: Кн-во К. Ф. Некрасова, 1912), создававшейся на основе публикаций в «Русской Мысли». Столыпин упомянут, прямо или косвенно, в журнале не менее чем в 50 материалах [1, с. 363], а специально ему были посвящены статьи и заметки Струве, Изгоева, Кизеветтера, А. А. Кауфмана, Л. Шифа.

Струве и Изгоев принадлежали к правому крылу кадетской партии, были, наряду с Кизеветтером, членами ее ЦК. Однако «Русская Мысль» не являлась «кадетским ежемесячником» и позиционировала себя как журнал «национальной русской культуры» [1, с. 2]. Столыпин осмыслился на его страницах не только как острополитическая и противоречивая фигура, но и как реформатор и создатель нового культурного уклада жизни под лозунгом строительства Великой России.

Удивительным для многих современников было то, что для бывшего социал-демократа Струве Столыпин с 1908 г. стал вдохновителем концепции «Великой России», сформулированной редактором в одноименной статье [2]. Это был смелый национально-государственный манифест, выдвинутый после прекращения революционных беспорядков. Здесь Струве солидаризировался с известными словами Столыпина: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие по-

трясения, нам нужна Великая Россия» [3, с. 59]. Живые «культурные традиции»! На сохранении их особенно настаивал Струве.

Подзаголовок статьи «Из размышлений о проблеме русского могущества» раскрывал столыпинскую формулу более определенно: строительство новой государственности, имперское расширение, но опять же в границах влияния русской культуры (бассейн Черного моря), хозяйственные реформы, «новое политическое и культурное сознание русского человека» [2, с. 148]. В своем манифесте Струве поддержал крупномасштабные реформы Столыпина, направленные на расширение круга частного землевладения среди крестьян и сокращение общинных угодий. Это отвечало глубинным экономическим воззрениям Струве о частной собственности и свободе. Он считал, что частная собственность обеспечивает свободу лица, помогает удерживать государственный организм от радикальных перемен, изломов, революций. Общество собственников более ответственно, развивается устойчиво, без социальных катаклизмов. Поэтому, когда большевики ликвидировали институт частной собственности в России, для Струве это было сигналом прерывания естественного пути развития страны, борьбой с индивидуальной свободой и насаждением грубого административного произвола.

По сути, автор предлагал программу построения национальной империи (заметим, что проект Струве противоречит суждениям современных политологов, разграничивающих понятия «империя» и «национальное государство»). В русском народе находил он идею «государственности», вступая в полемику с теми, кто отрицал это, и приводя исторические факты. Сохранение и укрепление государства не означало всемерную поддержку правительства.

Имя Столыпина появляется на страницах журнала «Русская Мысль» в обзорах думских дискуссий в 1907 г. и в связи с анализом революционных волнений 1905 г. К. Сивков в статье «Крестьянские приговоры 1905 года» [4] упоминает деятельность саратовского губернатора Столыпина при подавлении крестьянских выступлений, его циркуляры. Губернатор был обеспокоен, что крестьяне собирались тайно в лесах, обсуждали свои нужды в присутствии посторонних лиц,

«записывали приговоры и постановления для отсылки их в высшие правительственные учреждения» [4, с. 27]. В Балашовском и Петровском уездах активно действовали Крестьянский союз и земства. Ими распространялись среди крестьян указ и рескрипт 18 февраля 1905 г. об учреждении Государственной думы, речь Николая II от 6 июня 1905 г., обращенная к земской депутации в ответ на выступление князя С. Н. Трубецкого.

Посторонние лица на крестьянских сходах не допускались губернатором из-за «нежелательных последствий» [4, с. 28] пропаганды, которая была распространена в Саратовской губернии. Отдельно велась партийная пропаганда в деревнях (социалисты-революционеры). Столыпин писал в циркуляре о том, что крестьяне обсуждают «дела совершенно незаконные – о нарушении права собственности землевладельцев, об изменении основных законов империи» [4, с. 27]. Он призывал «высказывать свои законные нужды открыто на установленных для того законом сходах» [4, с. 27]. Так автор статьи характеризует «отношение провинциальной администрации к попыткам крестьян высказать свое мнение по вопросам государственного благоустройства» [4, с. 27].

В Первой Государственной думе Столыпин впервые появился еще в ранге министра внутренних дел, наблюдая за переговорами с думскими лидерами председателя Совета министров И. Л. Горемыкина. Столыпин, как писал об этом А. С. Изгоев, «мог нащупать главный узел трагического конфликта русской жизни»: с одной стороны, для власти «начала Высочайшего манифеста 17 октября 1905 года», в сущности, несовместимы с «твердой и деятельной исполнительной властью», которая выражает «крепость и внутреннюю силу государства» (И. Л. Горемыкин); с другой стороны, общество, настроенное против бюрократии, «вместо закономерной работы и сотрудничества властей, требует: исполнительная власть да покорится законодательной» [5, с. 129]. Этот «трагический конфликт» не утихал впоследствии и во многом определил путь России к катастрофе. Как же его пытался разрешить Столыпин?

Еще при Горемыкине Столыпин опирался на Совет объединенного дворянства, который, «через голову» премьера, являлся настоящим центром власти. Когда при поддержке дворянства Столыпин был назначен председателем Совета министров, сразу же после роспуска Первой Думы, он «завел переговоры с общественными деятелями, Н. Н. Львовым, Д. Н. Шиповым, графом Гейденем, князем Львовым» [6, с. 158]. У Думы было юридически закрепленное право давать согласие на изменения выборного закона и положения о самом законосовещательном органе. Избранная

новая, Вторая Государственная дума среди своих членов включала редакторов «Русской Мысли» – Струве (от Санкт-Петербурга) и Кизеветтера (от Москвы).

В «Письмах из Таврического дворца» Кизеветтер сравнивал думские дебаты «кабинета г. Столыпина» с предшественниками, что предполагалось на министерской скамье в зале Думы: «Перед нами совершенно иная картина. <...> В противоположность кабинету г. Горемыкина кабинет г. Столыпина старается усваивать конституционные формы отношений к Государственной Думе. Он старается держать себя “совсем, как в Европе”. <...> Теперь почти каждое заседание вы можете видеть на министерских скамьях нескольких министров и очень часто самого председателя министерского совета. <...> Это ли не конституционная идиллия?» [7, с. 192]. Автор «Писем» совсем не в восторге от такого сотрудничества законодателей и правительства, он видит в этом лишь парламентский «обряд», не более. И несмотря на то что Столыпин принес в Думу «целый ворох» новых законопроектов, Кизеветтер, левый кадет, делает вывод о «призрачности конституционализма» премьера: «Смысл его политики сводится к тому, чтобы под покровом соблюдения конституционных обрядностей становиться на почву отрицания настоящих основ конституционного порядка» [7, с. 196]. В чём «отрицание»? А в том, что при всяком удобном случае Столыпин «спешит прикрыться именем Царя» [7, с. 194], ссылаясь на законы, проведенные по 87-й статье: «... г. Столыпин объясняет издание этих законов “невозможностью отсрочки в выполнении неоднократно выраженной воли Царя”» [7, с. 195].

Кизеветтер переходит в наступление на правительство и прибегает к силе своего красноречия, как будто он по инерции продолжает свою предвыборную кампанию в Москве: «Европейский костюм на дикаре лишь резче оттеняет некультурность первобытного сына природы. Конституционная маска на бюрократе лишь нагляднее подчеркивает истинную сущность привычных слуг произвола» [7, с. 199]. Автор допускает уничтожающий прием полемики: «И уже до полного извращения этих начал (конституционализма. – А. Г.) доходит претензия председателя совета министров играть по отношению к Думе роль какого-то обер-прокурора, истолковывающего её права и обязанности» [7, с. 197]. Столыпин в роли К. П. Победоносцева? Нетрудно заметить, что Кизеветтер выражает не только свою точку зрения, это позиция кадетской фракции (глава П. Н. Миллюков) в Государственной думе, большинство которой не допускало мысли о совместной работе с премьером. Струве думал иначе.

После 1906 г. он пошел на сотрудничество с властью ради сохранения идеала Великой России. А. В. Тыркова-Вильямс запомнила состоявшиеся во время Второй Думы (в ночь на 3 июня 1907 г.) встречи Струве и его ближайших думских единомышленников (С. Н. Булгаков, В. А. Маклаков, М. В. Челноков – все правые кадеты) со Столыпиным: «... свои переговоры с кадетами премьер держал в тайне. А кадеты эти же переговоры держали в тайне от своей партии. <...> Лидер партии Милюков был против какого-то ни было сговора с правительством. <...> А они шли на переговоры с премьером в надежде, что и в этой Думе может образоваться какое-то разумное большинство, которое перестанет митинговать и займется законодательством. Из этих тайных встреч ничего не вышло... Вторая Дума, как и Первая, сама себя не хотела беречь. Прения принимали все более воинственный характер. Революционный террор продолжался» [8, с. 329]. П. Н. Милюков, прознав про «чашки чая» у Столыпина, все дальше отодвигал Струве от партийных дел, а с ним и все правое, национальное течение внутри партии. Компромисса со Столыпиным так и не удалось достичь. Дума была распущена 3 июня 1907 г., правительство одержало победу. Но по роковому стечению обстоятельств Струве предвидел, что Столыпин, обуздав «улицу», проведя важные законы, падет от «закулисной интриги» [9, с. 132].

Как журнал оценивал аграрную реформу Столыпина? Её подробно освещал А. А. Кауфман, экономист, статистик, специалист по вопросам землепользования, крестьянской общины, переселения, «земельного утеснения». Он был автором магистерской диссертации «Переселение и колонизация» (1908), за которую ему была присвоена докторская степень по политической экономии. Кауфман выступал против конфискации помещичьей земли, справедливо полагая, что она не решит земельного вопроса в России. Возможен только выкуп этой земли. Его ключевая статья в «Русской Мысли» называлась «Указ 9 ноября 1906 года» [10]. Речь в ней шла об указе «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», краеугольным в аграрной реформе Столыпина, которая законодательно была утверждена в полном объеме лишь к 1911 г.

Реформа предполагала «переход подворных владельцев к отрубному владению», причем допускала это не по единогласию, а «по приговору, постановленному двумя третями голосов» [10, с. 159] сельского схода. Критика этого документа развернулась из разных политических лагерей, в полемике приняли участие Н. Н. Кутлер, кн. Е. Н. Трубецкой, П. П. Маслов, С. Н. Прокопо-

вич и др. Многие ссылались на «принудительное уничтожение *общинного землевладения*» [10, с. 162], разрушение крестьянского уклада. Сетовали, что Столыпин распространил свой бывший опыт гродненского губернатора на всю Россию, однако эту реформу правительственные круги продумывали давно, еще в самом начале века, и не стоит преувеличивать значение только личной инициативы премьера. Припоминали Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности С. Ю. Витте, предварительную работу А. С. Стишинского. Кауфман обратил внимание, что принятый указ создает «чрезполосность земель общинного владения с полосами выделенной из этого владения частной собственности» [10, с.168]. Это действительно имело место. Десятки длинных и узких полос были разбросаны по землям общинного владения, и после выдела в частную собственность они еще более запутывали земельное устройство своей хаотичностью и находились «под угрозой всеобщей передвижки» [10, с.169].

Указ 9 ноября 1906 г. усиливал социальные противоречия в деревне. Новые собственники земельных наделов становились врагами общины. Их участки вклинивались в общинные земли. На это все накладывалась проблема сроков выхода из общины, необходимо было дожидаться специальной даты передела земли, установленной общиной. Кауфман предупреждал о «резкой несправедливости этого указа» [10, с. 172], как специалист, понимая, что главной причиной нерешенности земельного вопроса в России является *малоземелье* на фоне стремительно растущего населения европейской части страны. Причем эту проблему не решала и ликвидация помещичьего землевладения. Столыпина же обвиняли в защите интересов дворянства, а он смотрел на свою задачу гораздо масштабнее узких сословных интересов и с верой в Великую Россию.

Как же оценивал Струве аграрную реформу Столыпина спустя годы, в эмиграции, когда можно было сопоставить ее с проводимой земельной политикой большевиков-коммунистов? Сбылись ли предсказания автора «Русской Мысли» – Кауфмана? Обратимся к публицистическим статьям Струве в рубрике «Дневник политика» в газете «Возрождение» 1925–1926 гг. Он приходит к выводу на основе прочтения трудов авторов из советской России (М. Я. Феноменов, И. А. Кириллов, Н. П. Рудин) и русского зарубежья (Б. Д. Бруцкус, П. Н. Милюков), что «классовая борьба в деревне вовсе не вызвана и даже не обострена Столыпинской аграрной реформой» [11, с. 187]. В России была осуществлена в 1917 г. аграрная революция фактически на базе эсеровской программы,

с разжиганием классовой борьбы в деревне. И вместе с тем революционный слом старого порядка не разрешил земельного вопроса, «не устранил коренного зла русской сельскохозяйственной действительности, низкой производительности труда и технической отсталости производства» [11, с. 187]. Индустриально возрасставшие русские города требовали большего потребления сельскохозяйственной продукции.

Струве обращался к проблеме «перенаселения значительной части России» в своей знаменитой книге «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России» (СПб., 1894), о которой писали многие марксисты и народники, включая В. И. Ленина. Только развитие капиталистических отношений, новых возможностей производства, частной собственности и выход за пределы натурального хозяйства, целый комплекс мероприятий могли решить эту проблему. Отсюда «огромный смысл, все подлинное значение Столыпинской аграрной реформы выступает с прямо-таки потрясающей ясностью» [11, с. 188].

Революция, «черный передел» не принесли земельного простора для крестьянина и хозяйственного благополучия. В годы нэпа стала укрепляться частная земельная собственность. Деревня опять пошла по пути, проложенному Столыпином. Как считал левый экономист-агроном Б. Д. Бруцкус, «П. А. Столыпин бросил в толпу крестьянства идею внутринадельного землеустройства. Успех этой идеи был в русской деревне совершенно исключительный. Она пережила и своего автора, и аграрную революцию, и именно после нее торжествует свою победу на равнинах России» [12, с.190]. И так было до коллективизации, процесс которой означал возвращение к достолыпинскому укладу, названному Струве «подъяремным». Советских крестьян превратили в государственных «тяглецов», отработывавших на поле «трудодни».

Величие Столыпина особенно осознали после его гибели. «Русская Мысль» посвятила этому трагическому событию не одну публикацию. Важнейшую написал Струве: «Преступление и жертва» [13]. Эта статья связана с текущим политическим моментом, но даёт понять читателю, какую выдающуюся личность потеряла будущая Россия.

Столыпин, по словам Струве, не являлся отвлеченным знаком сложившейся политической системы, это была «живая индивидуальность» [13, с. 135]: «Сколько людей видело его своими глазами в Государственной Думе, не говоря уже о том, что ни об одном министре в России не писали так много и так свободно...» [13, с. 137]. Его убил преступник, который действовал «случайно»

как «революционер» и «не случайно» как агент охраны, вошедший в доверие к чинам полиции, пропустивших его к месту убийства. Струве по аналогии с Богровым припоминает, что, когда Столыпин защищал Е. Азефа, в этом «чувствовалось что-то трагическое и роковое» [13, с. 137].

Редактор «Русской Мысли» представляет трагедию политической судьбы Столыпина. И видит один акт, который позволяет жертве посмертно «восторжествовать над коварной судьбой» [13, с. 138]. Это все та же аграрная реформа Столыпина, «огромный сдвиг в русской жизни», «поистине революционный» [13, с. 137], сравнимый с освобождением крестьян и строительством железных дорог в России.

Политическое лицо Столыпина определялось «рассудочным конституционализмом». Он был против восстановления абсолютной монархии. Струве вспоминает свою встречу с председателем Совета министров: «*“О восстановлении абсолютизма не может быть и речи”*», – сказал Столыпин пишущему эти строки в одной из тех бесед, которые нам приходилось вести в кратковременную эпоху 2-й Думы, и было ясно, что он сознавал и рассчитывал весь смысл этих слов в устах главы правительства» [13, с. 140]. Это могла быть встреча в ночь на 3 июня 1907 г.

Не только конституционную позицию занимал Столыпин. Опираясь на дворянство и бюрократию империи и выходя на диалог с общественностью, он работал во имя национальной идеи, национализма: «Столыпин был живым воплощением исторически неизбежного и в то же время непрочного объединения – во имя “национальной идеи” – одряхлевшего абсолютизма и каких-то еще не оформившихся новых сил, которые он сам – хотел он этого или не хотел – призывал к жизни» [13, с. 141]. Но ему приходилось отступать. «Старая и новая Россия однако не соединились в нем гармонически. Он не был из числа тех могущественных фигур, которые *примиряют* исторические стихии, становясь как бы над ними» [13, с. 143].

Судьба Столыпина зависела от политической обстановки, в которую он был вовлечен и жертвой которой стал. Премьер не смог осуществить *примирения и успокоения* в обществе. Струве глубоко проникает в психологический облик Столыпина: «Но и в личных свойствах его было не мало отрицательных черт, делавших для него непосильной задачей оздоровления государства средствами не только физическими, но и моральными. Это сказалось в его, на мой взгляд, чисто патологическом равнодушии или, если угодно, пристрастии к смертной казни. Тут было не только теоретическое убеждение и боевой азарт, тут было что-то органически-нездоровое,

загадочно болезненное и, в сущности, весьма далекое от настоящей реальной политики» [13, с. 143]. Противоречия в фигуре Столыпина на этом не кончаются.

Струве видит их «непримирёнными и непримиримыми» [13, с. 144]. Портрет убиенного Столыпина, жертвы своего двойственного облика и политической обстановки, обретает в статье завершённый вид: «Нельзя отрицать в нём большой, совершенно незаурядной силы духа и достойной удивления крепости и упругости воли. Но эта сила духа соединялась с какой-то поразительной, тоже чисто духовной слабостью и с каким-то гипнотическим состоянием воли, прямо противоположным крепкой её свободе» [13, с.144].

А. С. Изгоев, обзревая литературу о Столыпине в 1912 г., заметил: «...своей земельной реформой и своим “национализмом” он дал начало столь сложным процессам, предусмотреть развитие которых в настоящее время еще невозможно» [14, с. 2]. Эти процессы проявились во время и после мировой войны и русской революции, на них обратили внимание в эмиграции.

Столыпин оставался камнем преткновения для политических кругов русского зарубежья. Те противоречия в его оценке, которые были среди членов ЦК кадетской партии при жизни Столыпина (Струве, Маклаков, Изгоев, Милюков, Кизеветтер), никуда не ушли.

Струве пришел к убеждению, что в царствование Николая II Россия была на вершине своего могущества. И «русская власть беспечно верила в свою силу и крепость. А те элементы страны, которые, наоборот, не веря в крепость власти, ждали и желали революции, упорно-беспечно думали, что революция, низвергнув власть, очень скоро и легко создаст ей лучшую замену и укрепит страну. И власть, и государственные элементы, боровшиеся с ней, были донельзя беспечны. Эта беспечность погубила Россию» [15, с. 75].

Новую статью «П. А. Столыпин» в газете «Возрождение» (26 сентября 1926. № 481) Струве написал в дни поминания бывшего премьера [16]. Поменялась ли в этой публикации его характеристика, известная нам по «Русской Мысли» 1911 г.? Струве представил более объемный портрет Столыпина с упоминанием императора, о котором тогда он не мог говорить по условиям цензуры.

Тезисы Струве сводятся к следующему. Столыпин относился к Манифесту 17 октября как к документу, который не был ни «пустым обещанием» (так считали либералы и почти все радикалы), ни отречением исторической власти от себя самой (так думали реакционеры). «Столыпин политически смотрел не назад, а вперед, и то, что он в будущем прозирал, – Великая

Россия как правовое государство с сильной властью, творчески держащей и дерзновенно творящей, – является и теперь великим государственным замыслом русского возрождения» [16, с. 158]. Социальным фундаментом такого государства он выбрал *крепкое крестьянство*. Из государственного «тяглеца» крестьянин должен был стать устроенным на земле свободным гражданином. Раскрепощению крестьянства служила *земельная реформа*.

Но Столыпин боролся на два фронта: с либерально-радикальным общественным мнением и с реакционным недомыслием бюрократии (В. Ф. Трепов, П. Н. Дурново и др.). Это усугублялось еще тем обстоятельством, что за первым фронтом стояла народная «стихия революционного максимализма», которая вылилась в большевизм; а за вторым – «сам монарх», Николай II, которому Столыпин был бесконечно предан. «Рок и трагедия его состояли в том, что, отстаивая и укрепляя реформами монархию, – писал Струве, – Столыпин как борец и реформатор не имел в монархе той поддержки, в которой он нуждался. Сейчас об этом можно просто и прямо говорить как об историческом факте. <...> Во всяком случае, Столыпин, прежде чем погибнуть от пули революционера-охранника, едва ли не изнемог в борьбе с монархом, борьбе, тем более трудной и тяжелой для министра, что в его лице она выпала на долю не только убежденного, но и страстного монархиста» [16, с. 159]. Перед нами не холодная констатация политического аналитика, автор глубоко переживал эту ситуацию в предреволюционные годы.

Как видим, Струве, в отличие от своих текстов в «Русской Мысли», на чашу весов российской истории кладет основную коллизия эпохи – между Столыпиным и Николаем II, от которой прямо зависела судьба империи, реформ и самого премьера. «Политический урок» жизни и смерти Столыпина Струве увидел в том, что «государственная необходимость должна в интересах государства и самой монархии превозмогать и монаршую волю как эмпирическую единоличную волю» [16, с. 159].

Список литературы

1. Гапоненков А. А., Клеймёнова С. В., Попкова Н. А. Русская Мысль : Ежемесячное литературно-политическое издание. Указатель содержания за 1907–1918 гг. / вступ. ст. А. А. Гапоненкова. М. : Русский путь, 2003. 400 с.
2. Струве П. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Русская Мысль. 1908. Кн. 1. Отд. 2. С. 143–157.
3. Столыпин П. А. Выступление в Государственной думе 10 мая 1907 г. в связи с думскими прениями по

- аграрному вопросу с изложением позиций правительства // Избранные выступления П. А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 годы. М. : Изд-е Государственной Думы, 2012. С. 50–60.
4. *Сивков К.* Крестьянские приговоры 1905 года // Русская Мысль. 1907. Кн. 4. Отд. 2. С. 24–48.
 5. *Изгоев А. С.* П. А. Столыпин // Русская Мысль. 1907. Кн. 12. Отд. 2. С. 129–152.
 6. *Изгоев А. С.* Общественное движение в России (Заметки публициста) // Русская Мысль. 1907. Кн. 2. Отд. 2. С. 153–172.
 7. *Кизеветтер А.* Письма из Таврического дворца // Русская Мысль. 1907. Кн. 4. Отд. 2. С. 190–199.
 8. *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. М. : Московская школа политических исследований, 2007. 392 с.
 9. *Струве П. Б.* Patriotica : Политика, культура, религия, социализм / сост. В. Н. Жукова, А. П. Полякова. М. : Республика, 1997. 527 с.
 10. *Кауфман А.* Указ 9 ноября 1906 г. // Русская Мысль. 1908. Кн. 1. Отд. 2. С. 158–175.
 11. *Струве П.* По поводу сегодняшнего фельетона // Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935). М. ; Париж : Русский путь – УМСА-Press, 2004. С. 187–188.
 12. *Струве П.* Человек, который ничему не научился // Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935). М. ; Париж : Русский путь – УМСА-Press, 2004. С. 189–193.
 13. *Струве П.* Преступление и жертва // Русская Мысль. 1911. Кн. 10. Отд. 2. С. 135–144.
 14. *Изгоев А. С.* Литература о Столыпине // Русская Мысль. 1912. Кн. 2. В России и за границей. С. 1–4.
 15. *Струве П.* Александр I Благословенный и Николай II Замученный // Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935). М. ; Париж : Русский путь – УМСА-Press, 2004. С. 73–75.
 16. *Струве П.* П. А. Столыпин // Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935). М. ; Париж : Русский путь – УМСА-Press, 2004. С. 157–159.

Поступила в редакцию 08.02.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 08.02.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 15.02.2022